

VII. Почему бы не объявить праздник?

Рецензия на книгу "ГРАНД НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК И КОНГРЕСС ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ КЛАССОВ" Уильяма Бенбоу.

В 1832 году Национальный союз рабочих классов опубликовал этот нашумевший в свое время памфлет. Автор, Уильям Бенбоу, которому тогда было 48 лет, был английским ремесленником и пожизненным агитатором, чьим историческим вкладом в радикальную политическую мысль стал Великий национальный праздник рабочего класса - впоследствии более известный как Всеобщая забастовка. Он призывал к всеобщему месячному перерыву в работе, во время которого производители пошлют своих представителей "для обеспечения счастья огромного большинства человеческой расы, той самой большей части, которая называется рабочими классами", подобно тому, как элита собирается для обеспечения своего счастья в парламенте.

Бенбоу не очень подробно описывал, чем будет заниматься конгресс, но по сути он был уравниателем. Английское общество прогнило из-за "слишком большого безделья с одной стороны и слишком большого труда с другой". Каждого богатого бездельника "необходимо заставить работать, чтобы излечить его от нездоровья". Но в отличие от синдикалистов, которые позже выступили с призывом к всеобщей забастовке, Бенбоу, хотя и романтизировал рабочих как хранилище добродетели, не прославлял труд и не призывал массы к производственным подвигам. Это был простой вопрос равных прав и обязанностей, включая "равный труд" и "равную долю производства". Бенбоу предвосхитил антирабочую точку зрения:

Каждую часть нужно заставить работать, и тогда работа станет настолько легкой, что будет считаться не работой, а полезным упражнением. Разве может быть что-то более гуманное, чем главная цель нашего славного праздника - получить для всех при наименьших затратах наибольшую сумму счастья?

Иными словами, никакой кальвинистско-марксистской чепухи о труде как призвании Бога (или Истории) или о труде как реализации человеческой сущности: чем меньше работы, тем лучше. Здесь есть лишь намек, если вообще намек, на аргументы его современника Фурье о превращении труда в продуктивную игру (маловероятно, что Бенбоу слышал о Фурье к 1832 году). Но Уильям Моррис позже создаст сложный синтез по сути подходов Бенбоу и Фурье к трансформации труда.

Гораздо более оригинальным и интересным, чем его предложение о конгрессе, было предложение Бенбоу о Великом национальном празднике. Как мы уже видели, для Бенбоу

надлежащими целями общества - целями, которым оно не служило, за исключением "праздных, бездельных немногих", - были "легкость, веселье, удовольствие и счастье". Люди "даже не существовали, поскольку не наслаждались жизнью", вместо них наслаждались и жили другие. "Народ - ничто для себя, и все для немногих". Великий национальный праздник был тем, как Бенбоу предложил начать эту революцию эгалитарного гедонизма, но это было и нечто другое: это был революционный эгалитарный гедонизм. Не нужно мучиться и морализировать, оправдывает ли цель средства, когда они одно и то же.

В "Празднике" Бенбоу возвращается к докапиталистическому веселью, упущенному его синдикалистскими преемниками. Он не стесняется говорить, что праздник - это "святой день, а наш должен быть самым святым из святых дней", потому что он "установлен, чтобы утвердить изобилие, отменить нужду, сделать всех людей равными!". Он не новатор (настаивает он). "Суббота была еженедельным праздником" для древних евреев, когда они питались манной в изобилии, когда "не делали никакой подневольной работы, и слуги и господа не знали различия". Затем каждый седьмой год был "годом освобождения", "непрерывным и непрекращающимся праздником; это был сезон обучения; это было облегчение для бедных должников". Бенбоу (христианин, хотя и содержал "неверные часовни", где совершались богохульные ритуалы, и подвергался судебному преследованию за публикацию порнографии) явно опирался и стремился возродить глубоко запрятанные протестантско-плебейские диссидентские тенденции, восходящие к Гражданской войне в Англии и даже раньше. Его неопределенно коммунистическая экономическая программа восходит к диггерам. Его гедонизм, стремление возродить "не только религиозные, но и политические праздники" и (как мы знаем из его порнографии, примеры которой прилагаются к этому изданию) стремление к сексуальной свободе ставят его в один ряд с контркультурной традицией Рантеров.

Праздник, таким образом, предвосхитил перманентную революцию, которую должны были институционализировать его делегаты на внепарламентском съезде. На самом деле, те, кто был в отпуске, не должны были ждать своих делегатов. Бенбоу предложил рабочим запастись достаточным количеством еды и денег, чтобы пережить первую неделю Праздника без работы. К тому времени они должны быть достаточно организованы, чтобы реквизировать все необходимое для следующих трех недель.

Богатые либералы, лукаво предполагает он, - богатые либералы, которые только что получили право голоса для себя благодаря агитации рабочего класса, а затем повернулись, чтобы отказать в праве голоса тем же рабочим, - будут рады действовать в соответствии со своими либеральными реформаторскими убеждениями, раздавая все, что у них есть, тем, кто взялся за столь достойное дело, "ко всем великим реформаторам можно обратиться, и у народа больше не будет причин подозревать реформаторов в последовательности. Реформаторы протянут руку помощи, чтобы поддержать нас во время нашего праздника. ...Пока их не испытают, никто не сможет представить себе количество великих людей, готовых отстаивать равные права, равную справедливость и равные законы по всему королевству". Что касается деталей, то конгресс соберется где-то в центре Англии под эгидой "какого-нибудь великого либерального лорда":

Это должно быть центральное место и поместье какого-нибудь великого либерального лорда, с прилегающими к нему домами и принадлежностями. Единственной трудностью выбора будет выбор центрального места, поскольку все они достаточно обширны, чтобы предоставить жилье членам Конгресса, их земли обеспечат пропитание, а их парки станут прекрасным местом для встреч. Можно полагаться, что владелец особняка, удостоенного чести быть выбранным народом, сделает для представителей народного суверенитета те великолепные приготовления, которые обычно делаются для приема общего государя.

Бенбоу не был теоретиком или провидцем. Он придерживался довольно упрощенного субпросветительского мнения о том, что народ поработен навязанным ему элитой невежеством (впрочем, это еще не все). В 1850-х годах (когда он пропал из виду) он агитировал в основном за всеобщее избирательное право, которое, будучи завоеванным десятилетие спустя, так и не выровняло классовую систему в Британии. В других капиталистических классовых обществах - например, в Соединенных Штатах - никогда не существовало монархов, аристократов и епископов, которых Бенбоу в основном (но, конечно, не полностью) обвиняет в угнетении народа. Американский опыт доказывает, что эксплуатация очень эффективна (возможно, даже более эффективна) без этих архаичных социальных остатков.

Великий национальный праздник - это образцовое решение того, что можно назвать, повторяя дилемму заключенного, дилеммой революционера. Чтобы совершить социальную революцию, люди в их нынешнем виде должны совершить революцию из существующих материалов. Революция требует непрерывности. Но чтобы она считалась социальной революцией, люди должны жить по-новому и качественно иначе. Революция требует прерывистости. Быстро и радикально то, что живет в существующем порядке - а чтобы жить, оно, скорее всего, латентно, замаскировано или деформировано, - должно быть освобождено от того, что мертво. Неверное определение того, что есть что, приводит к катастрофе. Маркс и синдикалисты, например, считали, что живое в капитализме - это развитие производительных сил с сопутствующим появлением первого универсального класса, пролетариата. Революция, таким образом, подразумевала социализацию, рационализацию и интенсификацию промышленного развития, а также обобществление пролетарского состояния. Сейчас уже очевидно, за исключением горстки сектантов, что развитие производительных сил постоянно обновляет капитализм. А пролетаризация ликвидировала анклав рабочего класса и тщательно сегментировала рабочую силу в ущерб классовому сознанию. Продуктивизм и рабочелюбие оказались идеологией капитализма.

Решение дилеммы Бенбоу, напротив, в ретроспективе кажется революционным, хотя и неполным. Праздник затронул коллективные воспоминания о совместных достижениях и общинных праздниках. Он затронул индивидуальные воспоминания о сокращенном рабочем дне, большем количестве праздников и относительной автономии в производстве. Суббота, о которой помнили рабочие, действительно, как напоминал им Бенбоу, была священным временем - но священное время в то время было спорным понятием. Для диссентеров (наследников пуритан) суббота была днем воздержания от работы, конечно, днем отдыха, но это был также день молитвы, общественного поклонения и воздержания от удовольствий. Для большинства трудящихся отдых и развлечение в общении друг с другом

составляли суть священного. Религиозный характер этого праздника был диффузным, пронизывающим обычные удовольствия, такие как еда, питье и танцы, а не сконцентрированным в специализированных, дискретных видах деятельности, не связанных с остальной жизнью. Для диссентера или методиста, если он не выполняет в воскресенье явно и исключительно религиозные функции, он вообще не должен был ничего делать. Лишь отчасти в насмешку рабочие называли свой несанкционированный выходной в понедельник "святым понедельником" - бичом работодателей, когда они либо возобновляли, либо отсыпались после воскресных гуляний. Название также подразумевало, что этот свободный от работы день, как и воскресенье, был святым.

Пока что "Праздник" непрерывен по отношению к еще памяtnому и не совсем исчезнувшему прошлому. Что же в нем революционного и прерывистого? В основном следующее. Традиционная община была делом обычая, а не сознательного замысла, и она была местной, приходской. Как таковая она по частям разрушалась актами обложения, уже будучи разделенной классовой дифференциацией и, возможно, религиозной рознью. Изнутри трудно было понять, что уникальная судьба местной общины, которая могла бы стать судьбой нескольких поколений, была моментом в общенациональной тенденции. В этих условиях утверждение Бенбоу о том, что "невежество - источник всех бед многих", - не просто наивный пережиток оптимизма эпохи Просвещения. (Хотя он перекликается с другим течением мысли - "якобинством" Томаса Пейна и "Корреспондентских обществ" 1790-х годов, которые все еще влияли на радикальное мышление). Теперь "многим", "народу", "производительным классам" необходимо было думать о себе в национальном масштабе, чтобы действовать от своего имени в национальном масштабе: "Когда они будут бороться за себя, тогда они будут народом, тогда они будут жить, тогда у них будет легкость, веселье, удовольствие и счастье; но никогда, пока они не будут бороться за себя". Средство "простое - ЕДИНСТВО МЫСЛИ И ДЕЙСТВИЯ Думайте вместе, действуйте вместе, и вы сместите горы несправедливости, угнетения, страданий и нужды".

Праздник воссоздает сообщество в национальном масштабе - единственном масштабе, в котором оно сейчас возможно, - но это означает одновременные, обобщенные действия на местах. Он восстанавливает праздничное, сакральное содержание святых дней в то же время, когда он сознательно отнимает труд у непродуцирующих классов, которые пользуются его плодами. Это всеобщая забастовка и вечеринка, самый длинный "рейв" за всю историю человечества, - все в одном, свобода как необходимость, необходимость как свобода. Бенбоу настаивает на том, что Праздник должен предшествовать Конгрессу и в своем собственном темпе порождать его. Только в условиях неторопливого отдыха и безудержной игры разумно ожидать, что народ будет обсуждать форму будущего и выбирать достойных доверия делегатов на съезд.

Схема Бенбоу невольно подтверждает и в то же время обходит понимание, по крайней мере старое, как Платон и Аристотель, и очень значимое для английского правящего класса, что наемные работники, как и рабы, не имеют права голоса, потому что им не хватает экономической независимости, чтобы голосовать своим собственным умом. Сегодня, конечно, речь идет не о том, чтобы боссы указывали рабочим, как голосовать, а о том, как работа отнимает время и часто деформирует способности, необходимые для ответственной гражданской позиции. Праздник вряд ли сможет исправить ущерб, уже нанесенный рабочим

наемным трудом в целом и фабричным трудом в частности (что подтвердил даже Адам Смит). Но он мог на некоторое время избавить рабочих от необходимости трудиться и заботиться о пропитании ("комитеты по управлению рабочими классами" должны были реквизировать провизию, достаточную для проведения праздника). Праздник прервал порочный круг самоподдерживающейся политической недееспособности пролетариата, срежиссированный сверху.

Бенбоу был не просто плебеем, накладывающим пролетарский отпечаток на обрывки утилитарной доктрины, как многие "радикалы" того времени. Он выступал за наибольшее счастье наибольшего числа людей, но у него были свои представления о том, что это означает, и разделение богатства и ниспровержение наследственных привилегий были лишь частью программы. Бенбоу понимал, что качество жизни - это не просто вопрос перераспределения богатства и предоставления прав трудящимся. Звучит очень похоже на "молодого Маркса" или какого-нибудь другого левого гегельянца, Бенбоу говорит: "Существование рабочего человека - это негатив. Он жив для производства, страданий и рабства, но мертв для наслаждения и счастья". В рабочем есть (как говорил Кроче, в марксизме) нечто живое и нечто мертвое. Мертвым в рабочем было то, что делало его рабочим, его труд, "производство", и то, что оно влекло за собой, - страдания и рабство. Живым было то, что рабочий сохранял в сокращающейся сфере жизни помимо работы. Но то, что происходило на работе, влияло на него и вне ее: "Говоря, что делают люди, мы объясняем, что они собой представляют. Говоря, что они могут и должны делать, мы объясняем, какими они могут и должны быть". По сути, все сводится к возможности самодеятельности (индивидуальной или коллективной, или какой-либо их комбинации - вопрос важный, но второстепенный).

Теперь мы знаем, что в том, что касается средств достижения цели, Бенбоу ошибался в нескольких аспектах. Всеобщее избирательное право никогда не приводило к революции - по выражению Прудона, "всеобщее избирательное право - это контрреволюция". Что касается перераспределения богатства, то оно никогда не было опробовано, хотя и было приближено к нему на короткие периоды, на небольших территориях, во время русской, испанской и других современных революций. Но значительное перераспределение богатства имело место, например, в Великобритании и в скандинавских социал-демократических странах. Бенбоу, несомненно, обрадовался бы тому, что потомки презираемых им "либеральных лордов" (да и консервативных тоже) лишились большей части своих богатств и в некоторых случаях стали взимать плату с туристов за вход в свои статс-хаусы. Но это не изменило того факта, что, как хорошо известно всем британцам, Британия по-прежнему является капиталистическим классовым обществом, пусть и не особенно процветающим, прогрессивным. Рабочий класс по-прежнему, выражаясь нынешним жаргоном, "на ногах".

Бенбоу интересен не как пророк - хотя, если говорить о пророках, он выгодно отличается от Маркса, - а как автор, сформулировавший для своего времени и места решение дилеммы революционера. Сработало ли бы оно, мы никогда не узнаем. Как объясняет современный редактор Бенбоу С.А. Бушелл, предложение Бенбоу встретило серьезную оппозицию даже в организации, которая его опубликовала, и попытки начать Праздник оказались безуспешными. Хотя Бенбоу ожидал от Праздника и Конгресса довольно смутно, они явно

должны были устранить политическую и экономическую несправедливость, которые в радикально-вигской традиции всегда считались взаимосвязанными (это была "коррупция", не общий термин морализаторства, а художественный термин в радикальной либертарианской идеологии). Идеи Бенбоу потеряли актуальность, когда радикалы и/или рабочий класс разошлись по отдельным политическим и экономическим каналам (и не только по одному из них). Сам Бенбоу, похоже, посвятил остаток своей жизни политическим реформам - в частности, расширению электората. Другие стремились к экономическим улучшениям через организацию профсоюзов. Политически и экономически ориентированные, в свою очередь, разделились на реформистские и революционные течения - различие, которое Бенбоу не считал значимым, хотя вскоре оно должно было стать решающим.

Что же живет в знаменитом трактате Бенбоу? Возможно, больше, чем когда-либо между его временем и нашим. Это конкретное и правдоподобное решение дилеммы революционера в той форме, которую она принимала в тот период, и, как таковой, пример, который делает дилемму яркой для нас, хотя сегодня она принимает другие формы. Но, как утверждает редактор Бушелл, Праздник, возможно, стоило бы попробовать и сегодня, если бы Всеобщая забастовка была переосмыслена как несанкционированный Праздник: возможно, "старая идея забастовки могла бы обрести популярность, если бы мы вернулись к старому описанию". В конце концов, контркультурные революционеры никогда не возражали против всеобщего прекращения работы. Более того, они даже больше, чем синдикалисты, любят его, поскольку не видят причин, по которым он должен когда-нибудь закончиться. Производственная деятельность, конечно, в конце концов должна возобновиться, но работа может и не возобновиться. Бенбоу сказал о празднике то, чего, кажется, не говорил ни один сторонник всеобщей забастовки, - что это возможность поразмыслить, "избавиться от нашего невежественного нетерпения и узнать, чего же мы хотим". Подумать свободно, неторопливо.

Праздник - это все, чем могла бы быть Всеобщая забастовка, и даже больше. Это то, с чем должны быть согласны все антиавторитарные люди, поскольку все они хотят, чтобы произошло хотя бы то, что нужно для уничтожения власти корпораций и государства. Достигнув этого, люди смогут решить, хотят ли они вернуться к работе под руководством рабочих советов или федеративных профсоюзов или вообще никогда не вернуться к работе. Возможно, одни сделают один выбор, другие - другой. Возможно, после начальной фазы экспериментов выработается некое соглашение, которое будет соответствовать тому, что живет в этих различных системах. Тот, кто искренне желает всеобщей свободы, не должен уклоняться от реальной возможности проверить, какую форму (или отсутствие таковой), по его мнению, могла бы принять свобода. Почему бы не устроить праздник и не посмотреть, что из этого выйдет?